

ХОЗЯИН ЧУЖОЙ ВОЛИ

Диана Маргиева

Диана Маргиева

Хозяин чужой воли

«Автор»

2025

Маргиева Д.

Хозяин чужой воли / Д. Маргиева — «Автор», 2025

Максим обладает сверхъестественными силами, но судьба у него не завидная. Нерадивая, пьющая мать шпыняет сына, до тех пор, пока он не решает, что с него хватит. После этого его жизнь полностью меняется. Будет ли он использовать свои силы во благо или уничтожит мир, покажет только время.

© Маргиева Д., 2025

© Автор, 2025

Диана Маргиева

Хозяин чужой воли

Глава 1

Рая родилась в мире, где любовь была чужим словом, а забота – редкой милостью. Её мать, Елена, была скорее тенью, чем родителем – усталой, равнодушной женщиной, для которой алкоголь стал единственным утешением.

Дом Раи был прокуренным притоном, где пустые бутылки валялись рядом с несделанными уроками, а крики и ругань были привычным фоном. Никто не следил за Расей, никто не спрашивал, где она и с кем. Она росла как сорная трава, предоставленная сама себе, и очень рано познала вкус свободы, которая для неё обернулась вседозволенностью.

Юность была вихрем случайных знакомств, громкой музыки и отчаянной попытки заглушить внутреннюю пустоту. Рая гуляла без оглядки, без страха, без мыслей о завтрашнем дне. Итогом этой бездумной жизни стала беременность. Отец ребенка был лишь одним из многих лиц, мелькнувших в её бурных ночах, и исчез так же бесследно, как и появился.

Рая, сама ещё ребенок, оказалась лицом к лицу с суровой реальностью. В 18 лет она родила мальчика, которого назвала Максимом.

Жизнь не дала Рае ни передышки, ни шанса измениться.

Её мать, Елена, окончательно скатилась на дно, превратившись в безвольную, спившуюся тень, и Рая осталась один на один с новорожденным сыном. Материнский инстинкт в ней так и не проснулся. Она относилась к Максиму так же, как к ней самой относилась её мать – с отстранённым раздражением, переходящим в открытую агрессию. Мальчик был для неё не желанным продолжением, а живым укором, напоминанием о загубленной молодости, о несбывшихся мечтах.

Рая шпыняла его, обзывала, а иногда и поколачивала, вымещая на нём свою злобу и чувство безысходности.

– Ты мне жизнь испортил! Из-за тебя я теперь сижу в этом болоте! – бесконечно кричала мать.

Эти слова Максим слышал с самого раннего детства, и они въедались в его сознание, формируя искажённую картину мира.

Максим рос замкнутым, угрюмым ребёнком. Его глаза, удивительно глубокие и синие, всегда смотрели с настороженностью. Он был одинок, но в этой изоляции зрело что-то необычное. К десяти годам, когда Рая в очередной раз подняла на него руку, он почувствовал, как внутри него что-то щёлкнуло. Он взглянул на мать, и в её глазах, обычно полных злобы, мелькнуло замешательство, затем нечто похожее на послушание.

Рая опустила руку, а затем, словно по чьему-то приказу, начала извиняться, что было совершенно немыслимо. Максим не понял, что произошло, но почувствовал странное, опьяняющее ощущение власти.

Способности Максима проявлялись постепенно, сначала незаметно, потом все явственнее.

В школе он, всегда был троечником, вдруг стал получать пятерки. Учителя, которые раньше отмахивались от него, теперь слушали его с вниманием, словно он говорил нечто невероятно мудрое.

Одноклассники, некогда дразнившие его, теперь смотрели на него с восхищением, выполняя любое его поручение, словно замороженные.

Это было не просто обаяние, это было нечто гипнотическое, проникающее в самую суть человека, подчиняющее его волю. Максим лишь слегка менял интонацию голоса, чуть дольше задерживал взгляд, и люди вокруг него начинали плясать под его дудку. Он мог заставить самого строгого учителя поставить ему «отлично» за несделанное домашнее задание или убедить одноклассников отдать ему свои карманные деньги без тени сомнения.

К шестнадцати годам Максим уже полностью осознал свою силу. Он был не просто харизматичным подростком – он был кукловодом, способным дёргать за невидимые нити чужих мыслей и желаний. И первым, кто ощутил на себе всю мощь дара, стала его нерадивая мать – Рая.

Страх перед матерью, который преследовал его всё детство, испарился, уступив место холодному презрению и жажде возмездия. Он больше не прятался от её криков, не сжимался

от ударов. Теперь он смотрел на неё свысока, с той же надменностью, с какой она когда-то смотрела на него.

Однажды вечером, когда Рая, как обычно, вернулась домой пьяная и начала свои привычные причитания о загубленной жизни, Максим спокойно подошёл к ней. Его взгляд был невыносимо тяжёл, его голос звучал тихо, но каждое слово проникало в сознание Раи, обходя её пьяный туман, и все её защитные барьеры.

– Ты устала, мама. Тебе нужно отдохнуть. Навсегда, – прошептал он, и в его голосе звучала нежность, от которой по коже пробежал мороз.

Рая, словно в трансе, поднялась. Её глаза были стеклянными, но в них читалось странное, жуткое согласие. Она медленно пошла на кухню, взяла острый нож, который всегда лежал в ящике, и, не колеблясь, вонзила его себе в сердце.

Полиция, прибывшая на место, быстро списала всё на несчастный случай – пьяный угар, депрессия, самоубийство. Никто не заподозрил Максима, который сидел в углу, сжавшись в комок, и изображал безутешного сына. Его горе было настолько убедительным, что даже самые проницательные следователи не усомнились в его искренности.

Когда за Максимом закрылась дверь морга, он почувствовал не горе, а абсолютную, всепоглощающую свободу. Мир, который держал его в плену, наконец-то рухнул.

Но эта свобода пришла вместе с расшатанной психикой и глубоко искажённым восприятием мира. Годы унижений, постоянное чувство, что он не нужен, что он – причина всех бед, трансформировались в чудовищное убеждение.

«ВСЕ ДОЛЖНЫ МНЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ».

Любой, кто хоть раз посмел его обидеть, проигнорировать, или просто не соответствовать его ожиданиям, должны были поплатиться. А кто отказывался добровольно, того он заставлял своими способностями.

Первой жертвой стала Катя. Яркая, независимая девушка из параллельного класса, отказавшаяся идти с ним на свидание. Её смех, её пренебрежительный взгляд – всё это стало для Максима личным оскорблением, вызовом его власти. Он не мог допустить, чтобы кто-то смел ему отказывать.

Через несколько дней Катю нашли в её квартире – повешенной. Записка, лежавшая рядом, была написана её почерком, полна отчаяния и безысходности. Полиция вновь констатировала самоубийство, не найдя никаких следов насилия. Никто не знал, что Максим провёл с Катей всего несколько минут, шепча ей слова, которые проникали в сознание, искажая реальность, заставляя молодую девушку собственными руками оборвать свою жизнь.

Затем было второе «самоубийство», затем третье. Молодой амбициозный парень, который обошёл Максима на студенческой олимпиаде. Преподаватель, поставивший ему незаслуженно низкую, по мнению Максима, оценку. Все они, казалось бы, добровольно уходили из жизни, оставляя после себя лишь недоуменные вопросы и чувство горечи у близких. Но для Максима это было лишь подтверждением его неограниченной власти.

Он был невидим, неуязвим, и мир, который когда-то причинял ему боль, теперь лежал у его ног. Он наслаждался этим ощущением, этой абсолютной безнаказанностью, и каждый новый акт его воли лишь укреплял его в мысли, что он – БОГ этого мира, а остальные – всего лишь марионетки, ждущие его следующего приказа.

Максим не останавливался на мести. Его способности были куда обширнее, чем простое внушение мысли о самоубийстве. Он мог заставить людей видеть, слышать и чувствовать то, чего не было, искажать их память, подчинять их волю самым причудливым образом. Мир стал для него огромной шахматной доской, а люди – безвольными фигурами, которыми он управлял с лёгкой, почти демонической жестокостью.

Ему не было нужды работать. Достаточно было лишь бросить несколько слов обеспеченному прохожему, и тот с радостью отдавал ему бумажник, забывая об этом через минуту. Он

без труда поступал в самые престижные учебные заведения, хотя и не проявлял особого рвения к учёбе. Преподаватели ставили ему высшие баллы, студенты выполняли курсовые и рефераты, а ректор лично подписывал самые невероятные заявления, стоило Максиму лишь чуть дольше задержаться на нём взгляд.

Вскоре он жил в роскошной квартире, носил дорогую одежду, ездил на престижных автомобилях – всё это было результатом чужой щедрости, или, точнее, чужой покорности.

Его мир сузился до абсолютной уверенности в своём превосходстве. Эмпатия, сострадание – эти слова были для него пустым звуком. Он видел в людях лишь механизмы, которые можно было перенастроить по своему желанию. Если кто-то казался слишком упрямым, слишком независимым, Максим находил способ сломить его. Иногда это было публичное унижение, иногда – доведение до нервного срыва, а порой – очередное «самоубийство», если объект представлял для него серьёзную угрозу или просто вызывал скуку.

Однако, не всё было так безоблачно в его новом, подконтрольном мире. В полиции, несмотря на видимость «самоубийств», начал формироваться негласный список.

Глава 2

Игорь Николаевич, опытный следователь старой закалки, с морщинистым лицом и пронизательными, усталыми глазами, не верил в совпадения. Он видел сотни смертей, и эти, последние, не укладывались в привычную картину. Слишком много «случайных» суицидов среди молодых, успешных людей, у которых, казалось бы, не было причин сводить счёты с жизнью.

Слишком много одинаковых черт в их поведении перед смертью – внезапная замкнутость, потеря интереса к жизни, а затем, словно по щелчку, резкое, необъяснимое решение.

Игорь Николаевич начал искать общие точки соприкосновения между жертвами. Это было сложно, ведь Максим действовал тонко, не оставляя прямых улик. Но следователь был упрям. Он перебирал старые досье, опрашивал свидетелей, которые уже забыли о своих встречах с Максимом, и постепенно, по крупицам, начал выстраивать цепочку.

Имя Максима всплывало то тут, то там – он был на одной вечеринке с Катей, сидел на той же олимпиаде, что и студент, которого нашли повешенным, посещал лекции того самого профессора. Поначалу это казалось случайностью, но чем больше Игорь Николаевич копал, тем сильнее крепло его иррациональное, но настойчивое подозрение.

Он не верил в мистику, но чувствовал, что за этими смертями стоит что-то необъяснимое. Нечто, что не оставляло отпечатков пальцев и не поддавалось логическому анализу. Он стал наблюдать за Максимом издалека, изучая его повадки, его круг общения, его странное влияние на окружающих. Люди, которые общались с Максимом, словно попадали под гипноз. Их глаза становились мутными, движения – замедленными, а слова – бессвязными. Игорь Николаевич видел это, но не мог понять, как это происходит.

Однажды, когда Максим выходил из дорогого ресторана, Игорь Николаевич решился. Он подошёл к нему, представился и попросил поговорить. Максим, привыкший к всеобщему подчинению, лишь с интересом слегка изогнул бровь, но согласился. Он был уверен в своей неуязвимости.

Они сидели в небольшой кофейне, напротив друг друга. Максим смотрел на следователя с лёгким пренебрежением, а Игорь Николаевич – с той же усталой, но пронзительной сосредоточенностью, что и всегда.

– Молодой человек, – начал Игорь Николаевич, – мне кажется, Вы связаны с несколькими недавними трагедиями.

Максим улыбнулся, и эта улыбка была холодной и совершенно лишённой эмоций.

– Я? Ничего подобного. Я скорблю вместе со всеми.

– Вы очень убедительны, Максим, – вкрадчиво произнёс следователь, не отводя взгляда. – Но есть кое-что... что-то, что не даёт мне покоя. Все эти люди, они как будто изменились после встречи с Вами. Стали другими. А потом – смерть.

Максим слегка прищурился. Впервые за долгое время он почувствовал не раздражение, а лёгкое удивление. Этот старик не поддавался так легко. Он попытался применить свою силу, сосредоточив взгляд, меняя интонацию, вкладывая в слова незримое давление.

– Игорь Николаевич, – тихо произнёс Максим, его голос стал чуть глубже, обволакивающим и мягким, – Вы устали. Вам нужно оставить это дело. Оно слишком тяжёлое для Вас. Забудьте о нём.

Детектив почувствовал, как сознание на мгновение поплыло. В голове возникла странная, навязчивая мысль: «Действительно, зачем мне все это? Я слишком стар. Пора на пенсию».

Но тут же, словно сквозь туман, прорвался его многолетний опыт, его профессиональное чутьё. Он видел, как меняется выражение лица Максима, как его глаза становятся неестественно глубокими. Игорь Николаевич резко сжал кулаки под столом, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогла ему сфокусироваться.

– Я не устал, Максим, – произнёс он, его голос был чуть напряжённым, но твёрдым. – И я ничего не забуду. Вы – причина. Я не знаю, как вы это делаете, но я это выясню.

Лицо Максима исказилось. В его глазах мелькнула ярость, а затем – нечто похожее на панику.

Впервые его власть была оспорена.

Впервые кто-то не подчинился его воле.

Он смотрел на Игоря Николаевича не как на марионетку, а как на угрозу. А угрозы, как он знал, нужно устранять.

– Вы пожалеете об этом, – прошептал Максим, и в его голосе прозвучало обещание, от которого по спине Игоря Николаевича пробежал холод. Он знал, что только что подписал себе приговор. Но теперь он был уверен – он нашёл того, кого искал. И это было лишь начало смертельной игры.

Максим вышел из кофейни, его лицо было непроницаемо, но внутри бушевала буря. Впервые за долгое время его мир, тщательно выстроенный из покорности и безволия, дал трещину. Старик, этот измождённый, упрямый следователь, бросил вызов его абсолютной власти. Максим не понимал, как это произошло. Его сила всегда действовала безотказно, подчиняя разум, искажая реальность.

Но Игорь Николаевич... он словно прорвался сквозь туман, оттолкнул невидимую руку, сжимавшую его сознание.

– Боль, – прошептал Максим, садясь в свой роскошный автомобиль. – Он причинил себе боль.

Он вспомнил, как следователь сжал кулаки. Это было иррационально, нелогично, но это сработало.

Или это был просто совпадение?

Чтобы проверить, Максим остановил машину у светофора. Рядом стоял молодой курьер на скутере, уткнувшись в телефон. Максим сосредоточился, вложил в свой взгляд всю мощь, всю повелительность, на которую был способен.

– Тебе нужно продать свой скутер, – произнёс он тихо, но с абсолютной уверенностью. – И отдать деньги мне. Немедленно.

Глаза курьера остекленели. Он медленно поднял голову, посмотрел на Максима пустым взглядом, а затем, словно по команде, заглушил мотор.

– Да, конечно. Я сейчас же этим займусь.

Он вытащил телефон и начал набирать номер, явно собираясь продать свой единственный источник дохода.

Сила работала.

Безотказно.

Значит, дело не в силе, а в этом старике. В его сопротивлении. Максим почувствовал нечто, похожее на азарт. Это было куда интереснее, чем простое подчинение. Он решил не устранять Игоря Николаевича сразу. Он хотел понять, сломить его, увидеть, как тот падёт. Это будет его личной игрой, его новым развлечением.

Игорь Николаевич, тем временем, ехал домой, чувствуя, как адреналин медленно отступает, оставляя после себя дрожь. Он был прав. Он нашёл его. И он был в смертельной опасности. Старый детектив знал, что теперь каждый его шаг будет отслеживаться, каждый его вдох – ощущаться тяжелее. Он не мог пойти к коллегам.

Кто поверит ему, если он скажет, что человек может управлять чужим разумом?

Его сочтут выжившим из ума.

Первым делом, придя домой, он задёрнул все шторы. Затем достал старый, никем не используемый ноутбук и начал записывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.